

ЕПИТИМИЯ ДЛЯ НЕЗНАКОМЦА

Мысли вслух

Церковные каноны предполагают многолетние сроки отлучения от причастия, и некоторые ревностные иереи Божии, руководствуясь буквой закона, налагают эти тяжкие бремена на приехавших паломников. Другие священники с легкостью разрешают от смертных грехов и настаивают на частом причащении. Где находится «золотая середина» и какой должна быть современная практика епитимий?

12



Рисунок иеромонаха Анастасия

Епископ Саратовский и Вольский Лонгин

Каноны показывают нам идеальный образ Церкви. Каноны — это икона Церкви, то, какой она должна быть. Корпус канонов, которым мы сейчас пользуемся, сложился в достаточно благополучный период церковной жизни, и их авторы и последующие толкователи предполагали, что христианский мир во вселенной установился окончательно и бесповоротно. Никто не думал, что в XIX–XX веках мир расцерковится и значительная его часть с гордостью будет называть себя постхристианской. Поэтому мы находимся в той же ситуации, что и христиане первых веков, когда в Церковь приходили люди самые разные, совершившие серьезные ошибки в своей жизни, впавшие в какие-то грехи. Например, волхв Киприан до своего обращения служил сатане, но потом раскаялся и даже

стал святителем — но если рассмотреть его случай с точки зрения канонов более позднего времени, то его не только к престолу, но даже в храм нельзя было бы пускать!

Человека, который раскаивается в своем грехе, нельзя оставлять без труда над своим исправлением, над своим сердцем, но строгие отлучения на много лет ни к чему доброму привести не могут. Люди совершали какие-то поступки, порой не задумываясь о том, что Бог есть, — и многолетнее наказание будет слишком жестоким. Другое дело, когда пал христианин, который регулярно ходил в храм и причащался, — но и в этом случае духовник должен руководствоваться в первую очередь любовью к людям и поиском их пользы. Смысл любой епитимии — помочь человеку осознать свое падение, облегчить ему восстание и вновь открыть путь ко Христу.

Сегодня в Церковь приходят люди с огромным грузом проблем и грехов. К ним вполне подходит

рассказ из патерика, в котором одного монаха, павшего и вернувшегося в монастырь, иноки изгнали, сказав, что он теперь не годится к монашеской жизни. Авва Антоний укорил их: «Корабль претерпел крушение и потерял свой груз. С большим трудом этот корабль достиг пристанища, а вы хотите потопить и то, что спаслось от потопления!» — и иноки с радостью приняли брата.

Если человеку все же назначили многолетнюю епитимию, то архиерей по сути самой структуры Церкви имеет власть вмешаться в чужую духовническую практику, но многие архиереи предпочитают не вторгаться в отношения между духовником и тем, кто у него исповедуется. Думаю, что задача епископа здесь другая — наблюдать за практикой духовничества в своей епархии, тогда не будет таких случаев. В Греции принимать исповедь может только человек духовно опытный, получивший специальную грамоту от архиерея, — а не только что рукоположенный юноша, который методом проб и ошибок чему-то сам научается. Думаю, лучше всего, чтобы такая нормальная общецерковная практика духовничества была бы воспринята и у нас в России.

**священник Александр Задорнов,
преподаватель МДА**

Норма жизни христианина в Церкви — возможность приступить к причастию, поэтому наказанием — неважно, для мирянина или для клирика — может быть лишение такой возможности на определенный срок или даже на всю жизнь. Церковные прещения выстраиваются по определенной логике: от временного запрета клирику на литургисание до полного извержения мирянина из церковной ограды, при этом по «Временному положению о церковном судопроизводстве» Русской Православной Церкви решение о крайней степени наказания — анафематствовании — принимает исключительно Патриарх как предводитель данной Поместной Церкви. Это обстоятельство напоминает о том, что власть «вязать и решить» в Церкви принадлежит прежде всего ее епископату и «делегирована» правящим архиереем священникам своей епархии.

Любой священник, налагающий какие-либо прещения в пределах епархии своего служения, делает это по благословию именно своего правящего архиерея. Тем самым, канонически невозможно ситуация, что какая-нибудь паломница издалека, придя на исповедь в чтимую обитель, подпадает под отлучение от причащения на десятилетия. Мало того, что столь продолжительные сроки запрещены каноническим правом как средневизантийского, так и российского синодального периода, но и монастырский духовник не имеет права налагать такое наказание на мирянина чужой епархии.

Проблема отчасти коренится в понимании исповеди как «пропуска» к причастию — апелляция к канонам здесь не помогает, поскольку они исходят из совершенно иной ситуации, когда не причащались лишь те, кто исполнял церковное наказание. Можно ли считать, например, часто причащающегося человека обязанным каждый раз «примиряться» с Церковью в таинстве исповеди, как если бы он находился под прещением сразу же с момента предыдущего причащения?

Возвращение к канонической практике в деле наложения церковных наказаний возможно только при развитии других сфер церковного права. И касается это, прежде всего, понимания самими православными значения церковных границ — между верными в общении и отлученными от него, между властью священника и властью духовника и, конечно, между наказанием, примирением и исцелением.

**игумен Петр (Мещеринов),
насельник Данилова монастыря**

Церковная дисциплинарная оценка тяжкого греха не зависит ни от места исповеди, ни от того, знакомы или незнакомы священник и кающийся. Епитимия прежде всего имеет педагогический смысл: в зависимости от духовного состояния и обстоятельств жизни человека могут меняться и сроки епитимьи, и ее формы, — поэтому важно, чтобы между священником и исповедующимся ему христианином в такой ситуации была бы сохранена связь, что, конечно, маловероятно в случае паломничества, особенно дальнего.

Думаю, что в случае исповеди паломников возможны несколько вариантов.

Во-первых, если христианин только-только воцерковляется, или это его первая исповедь, и в процессе ее выясняется, что человек согрешил по неведению, до сознательного обращения его ко Христу, то можно ограничиться пастырским разумлением, с упоминанием того, как строго Церковь относится к данному греху. Если священник убеждается, что новоначальный не будет продолжать совершать грех, в котором он покался, то можно обойтись и без епитимии.

Во-вторых, если речь идет о уже воцерковленном человеке, священник, не допуская до причащения, принимает исповедь и обязывает его обратиться к своему духовнику (или, если такового нет, к священнику «по месту жительства»), чтобы именно он решил вопрос с епитимией.

В-третьих, возможен и такой вариант, что священник считает необходимым дать епитимию. Но тогда он обязательно должен сказать, что приезжать за так называемым «снятием епитимии» не нужно: с окончанием срока епитимии окончатся и все дисциплинарные обязанности по отношению



Рисунок иеромонаха Анастасия

к ней. Неудобства людям доставляют, как правило, не столько сами церковные наказания, сколько связанные с ними излишние обрядовые действия, например, вышеназванное «снятие епитимии».

иерей Максим Первозванский,
клирик храма
Сорока Севастийских мучеников

До революции было правило, что человек, желающий поисповедаться во время богомолья в другом приходе или монастыре, должен был взять письменное разрешение у своего духовника. Сейчас такой практики нет, поэтому у незнакомого человека, пришедшего ко мне на исповедь с тяжелым грехом, первым делом я выясняю, есть ли у него духовник — епитимию должен давать духовник, незнакомым людям епитимии я никогда не накладываю. Человеку нецерковному очень важно помочь осознать содеянное, а не отпугнуть; привести его к покаянию, к желанию вновь прийти в храм и совместно с Церковью решать свои проблемы. И ни при каких грехах священник не должен отлучать исповедующегося от причастия дольше, чем на год — более длительный срок находится в архиерейской власти.

Человека, которого вижу в первый раз, я могу не допустить до причастия, но только на сегодня, при этом я должен сказать ему некое наставительное слово, чтобы он понял, что ему пока не следует принимать Святые Тайны ради его же блага. А своему прихожанину я могу дать и епитимию, например, чтение покаянного канона, пост, поклоны, совершение добрых дел — самые простые виды епитимии. Когда даешь епитимию, важно проверить, что человек правильно понял

твои слова — что он имеет представление о земных поклонах и знает, где найти покаянный канон. На мой взгляд, наиболее подходящий вид епитимии для нового человека в Церкви — чаще походить на службу, почитать Евангелие.

Иногда проблемы возникают у паломника, который, поехав на богомолье, считает нужным вытащить все свои проблемы и старые грехи и вновь их поисповедовать. Приехав к какой-нибудь святыне, вовсе не нужно любому стоящему на исповеди священнику сразу выкладывать все проблемы своей жизни, все грехи своей молодости — необходимо исповедовать только текущие грехи. Исключение составляет случай, когда вы специально приезжаете к тому или иному известному своей рассудительностью опытному пастырю. И даже на прямой вопрос о старых грехах вы имеете право, без дерзости, конечно, ответить, что они уже исповеданы. Если ваш духовник в курсе ваших проблем и помогает их решать, а вы начинаете советоваться с другим священником — это означает, что вы недовольны своим духовником, ищите особого окормления. Это похоже на одновременное лечение у двух врачей. Конечно, такое возможно, но в таком случае, получив тяжелую епитимию, не ропщите — сами напросились.

игумен Кронид (Карев),
насельник Данилова монастыря

Церковные каноны никто не отменял, поэтому не исключается возможность и достаточно строгой епитимии — и снять ее сможет либо сам священник, либо его архиерей, ориентируясь на указания Номоканона про «неискусного духовника». Впрочем, неизвестно, признает ли архиерей духовника неискусным, или же просто строгим.

В любом случае, для наложения епитимии должны соблюдаться несколько условий: налагать ее может не случайный священник, а только духовник, который знает человека, он должен видеть, как протекает эта епитимия, регулярно принимать его исповедь. И, конечно, священник должен постоянно помнить о том человеке, на которого он наложил епитимию, и вместе с ним в течение всего срока нести какие-то молитвенные труды, и если не в полном объеме разделять его покаянный подвиг, то хотя бы в той мере, насколько хватает его сил и усердия: лишнюю четку за него тянуть, несколько поклонов класть.

Отлучение должно быть разумной воспитательной мерой. Если мы отшвырнем от причастия человека, который не чувствует в нем особой нужды и не имел опыта доброго регулярного причащения, то он не поймет, что временное недопущение его до Чаши — это дело любви, а не наказание.